

А. В. ЛАВРЕНТЬЕВ

ПЕРЕВОДЧИК ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА ЛЕОНТИЙ ГРОСС И ЕГО ПОТОМКИ В РОССИИ

Пошел молодец на чужу сторону
И ушел от жити умекни.
От великого разума
Нажил он живота бодни старца.
Повесть о Горе-Землянии.

Вклад Посольского приказа — внешнеполитического ведомства России XVI—начала XVIII в. — в древнерусскую культуру и книжность хорошо известен. Особое место в профессиональных занятиях посольских переводчиков занимало «книжное строение», важнейшей составной частью которого были перевод и тиражирование книг самого разнообразного содержания. Эта сторона деятельности приказной администрации еще ждет своего полного исследования.

Среди переводчиков Посольского приказа, внесших весомый вклад в древнерусскую книжность, наиболее известно имя Николая Спафария-Милеску; реже упоминаются его коллеги. К числу последних относится и Леонтий Гросс (?—после 1693), «выходец из Царской земли».

Единожды ранее упоминавшийся в литературе,¹ Гросс, как оказалось, был причастен к переводу как минимум пяти книг практического содержания — по конской выезде, артиллерии, кораблестроению и пр.² Однако ни биография переводчика, ни родословные связи немногочисленного семейства Гроссов, в отличие от его современника Н. Спафария, не были предметом изучения.

Первым в России упоминается некто Юрий Гросс, «рекомендованный в 1668 г. венским двором на российскую службу»; рекоменда-

¹ Кудряцев М. П. «Издательская» деятельность Посольского приказа: К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Т. 8. С. 233.

² Лаврентьева А. В., Матвеева Е. П. Гросс Леонтий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII век. СПб., 1992. Ч. 1. А—З. С. 241—244. К списку переводов, приведенному в статье, следует добавить еще один: «Книгу о троупольном землемерии» (1689 г.). См.: Калишевич З. Е. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль заложивших в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII веке: Сб. статей. М., 1961. С. 404.

тельная грамота императора Леопольда I Гроссу была дана, для утверждения в звании дворянина по московскому списку, якобы сыну Юрия Гросса Леонтию.³

Сведения эти входят в противоречие с другими данными. В России жил переводчик Посольского приказа Леонтий Гросс, но он происходил из военнопленных Ливонского похода русской армии 1656 г. О его возвращении на родину хлопотал лично император Леопольд I.⁴

У рода Гроссов в России был собственный историограф — директор Московского главного архива Министерства иностранных дел барон Ф. А. Бюлер. В архиве последнего сохранилась неизданная работа под заглавием «Российские посланники Андрей Леонтьевич и Карл Леонтьевич Гроссы» (1872).⁵ Главной фигурой исследования стали известный русский дипломат XVIII в. и его брат, служивший в Коллегии иностранных дел, однако Бюлеру было известно о существовании в России в конце XVII в. их родственника или однофамильца — белозерского воеводы Леонтия Гросса.⁶ «Нет доказательств, что он был отец Андрея Гросса, — писал Бюлер, — но есть основания думать, что настоящее имя ему было Леопольд, что он родился не в России и что в силу каких-нибудь особенных причин прибыл сюда из Германии».⁷

Проблема заключалась в том, что братья-дипломаты родились в Вюртемберге и поступили на службу в Коллегию иностранных дел в зрелом возрасте. Об отце Гроссов Ф. А. Бюлер пишет, что он был «известный в свое время в Германии математик и ротмистр и, перейдя с австрийской службы в русскую, сделался воеводой в Белозерске».⁸

Наконец, еще один вариант родословия Гроссов предложил Л. М. Савелов.⁹ Первым, по его сведениям, в Россию попал перешедший на службу к царю Алексею Михайловичу в 1668 г. Юрий Гросс, за ним последовал Леонтий, в 1675 г. пожалованный в дворяне по московскому списку и в 1681 г. служивший переводчиком в Посольском приказе. Сын последнего, Леонтий Леонтьевич, в 1682—1692 гг. показан в стряпчих и в 1698—1699 гг. — воеводой в Белозерске. Сведения о Гроссах XVIII в. в родословной росписи Л. М. Савелова отсутствуют.

Нет нужды суммировать все противоречия приводимых выше сведений. Остается обратиться к документам.

Прежде всего необходимо констатировать, что Юрий и Леонтий Гроссы — одно и то же лицо, и обстоятельства, приведшие «цесарского немца» в Россию и сделавшие его в конце концов причастным к истории русской книжности, были далеки от идилической «присылки от венского двора».

¹ *Вантман-Камениский Н. И.* Обзор внешних сношений России. СПб., 1894. Т. 1. С. 23, примеч.

² *Маркевич А. И.* О местничестве. Киев, 1879. Т. 1. С. 399.

³ РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. 109.

⁴ Сведения о белозерском воеводе Гроссе почерпнуты автором из кн.: ААЭ. СПб., 1836. Т. IV. С. 469—470.

⁵ РГАДА, ф. 181, ш. 1, ед. 109, л. 7—8.

⁶ Там же, л. 8—9.

⁷ *Савелов Л. М.* Родословные записки. М., 1908. Вып. 2. С. 276.

14 августа 1656 г. после недолгой осады русская армия овладела шведской крепостью Кокенгаузен в Ливонии.¹⁰ В числе военнопленных в русском лагере оказался юный уроженец Пфальца Гросс. Позднее он сам объяснял, каким образом он попал на российско-шведское пограничье.

По завершении образования на родине знатный и состоятельный юноша был отправлен для «смотрения полуночных земель» и попал в Ливонию, тогда принадлежавшую шведской короне. Время и место для путешествия Гросс выбрал, мягко говоря, неудачное. 17 мая 1656 г. Россия объявила войну Швеции. Армия, предводительствуемая царем Алексеем Михайловичем, перешла границу Ливонии и двинулась на Ригу. На пути российских войск стоял пограничный Кокенгаузен, и незадачливый путешественник «приневолен был силою принужденную шведов со иными жители тот город оружием оборонити».¹¹

По законам военного времени Гросс, захваченный с оружием в руках, считался военнопленным, невзирая на оправдание «неволью» и австрийское подданство (с венским двором Россия неизменно на протяжении всего XVII в. сохраняла самые дружеские отношения¹²).

Как известно, пленные, захваченные в ходе военных действий, считались принадлежащими царю, причем при общей для всех несвободе положение их в России определялось социальным статусом военнопленного до пленения.¹³ Аристократизм Гросса, без сомнения, должен был обратить на себя внимание российских «властей». В походном лагере царь переклеивал боярин Б. И. Морозов, его свояк, сопровождавший Алексея Михайловича в походе на Ригу.¹⁴ Поселение знатного военнопленного «в дому» Морозова вряд ли было делом слепого случая. Об этом же говорит и должность, полученная Гроссом в боярском хозяйстве.

Гросс прожил в его доме 11 лет и получил свободу только после кончины его вдовы Анны Ильиничны, в 1667 г.¹⁵ Морозовы не имели потомства,¹⁶ и по старой традиции дворян в таких случаях обретала волю.

Двадцать лет спустя Гросс о своих занятиях в доме Морозовых рассказывался весьма туманно: «...жил...для моего иноземства и научения русскому языку». Действительность, однако, была прозаичнее: в 1659—1661 гг. Гросс был приказчиком в нижегородском владении Морозова, с. Лысково.¹⁷ Последнее наряду с соседним с. Му-

¹⁰ Малюев А. П. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 111.

¹¹ РГАДА, ф. 210, оп. 18, ед. 70, л. 5.

¹² Миринин Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т. 1. Предисловие. С. XVIII—XX.

¹³ Далайцкий А. В. О пленных по древнему русскому праву XV, XVI, XVII века. М., 1855. С. 3—5.

¹⁴ Забелин И. К. Боярский боярин в своем личном хозяйстве // Вестник Европы. 1871. № 2. С. 549.

¹⁵ РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1668 г., ед. 76, л. 2; ф. 138, оп. 1, 1674 г., ед. 6, л. 52.

¹⁶ Лебедев Риктольский А. В. Русская риддлсловаки книга. СПб., 1895. Т. 1. Изд. 2-е. С. 399.

¹⁷ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М.; Л., 1945. Т. 2. С. 79—80, 81, 87, 88, 91, 93—95, 100, 102, 104, 107—113, 117, 120, 121, 123, 124, 130, 135, 146, 153—154, 167—168, 172, 173, 179—180, 183; Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. М.; Л., 1936 (Материалы по истории феодально-крепостнического хозяйства. Вып. 2). Т. 1. С. 32, 33, 37, 40, 99, 101, 121, 124, 126, 186; Т. II. С. 189—202, 204, 208—209, 229—234.

рашкином — щепрыми царскими подарками — было одним из крупнейших в огромном, включавшем более трехсот сел и деревень, вотчинном хозяйстве боярина. Лысково насчитывало в это время около 450 дворов, являясь по сути торгово-промышленным посадом с острогом и гарнизоном, пристанью, таможенной избой, различными производственными и торговыми связями по всей России.¹⁸

К 1659 г. «иноземец» принял православие под именем Леонтия и женился на престолоклинке, судя по всему, жительнице того же села: в одной из конфликтных ситуаций письмо Морозова приказчику упоминает имя шурина Гросса, Трофима Чубарова, видимо, занимавшего какую-то подчиненную своему новому родственнику административную должность в вотчинном аппарате.¹⁹

Что касается знания Гроссом русского языка, то в ином конфликте, вспыхнувшем между крестьянами с. Лысково и кадашеницем С. Баженовым, последний просил о переносе «судного дела» в ведение другого приказного лица морозовских вотчин «мимо лысковского приказного... для того... что лысковский приказной по-русски говорить не умеет».²⁰ Последнее, впрочем, могло быть обычной судебной уловкой ответчика.

Обретенная в 1667 г. новый статус свободного человека заставил Гросса искать место службы. «Новокрещен» обратился в Посольский приказ с челобитной «быти в службе, где и какой чин годен... чтоб мне, беспомощному иноземцу, з женишкою и з детишками без места вконец не погибнуть», и в апреле 1668 г. царским указом Гроссу «ведено быти... в Посольском приказе царского и латинского языку в переводчиках»; вскоре к последним добавился «галанский».²¹ В том же году «для ево пожарного разорения» «Левке Гроссу» был дан московский дом на Покровке, ранее принадлежавший полоцкому бурмистру К. Наумову, и полугодовое жалование вперед на обустройство.²²

Служебная карьера переводчика в дальнейшем складывалась весьма успешно. Гросс пополнил привилегированную группу государственных служащих из девятнадцати человек, допускавшихся к письменному переводу документов, минуя должность толмача. Последних в штате Посольского приказа было более пятидесяти, их обязанностью был «изуственный» перевод. Нормой продвижения по службе в Приказе считался переход из толмачей в переводчики, исключения были редкостью.²³ Среди «секретарей по внешним сношениям», как называл переводчиков Посольского приказа Я. Рейтенфельс, «Гроций из Регенсбурга» (латинизированная форма фамилии Грос-

¹⁸ Гейзин В. Г. Боярин Б. И. Морозов и крупнейшие его вотчины села Мурашкино и Лысково Нижегородского у. // Хозяйство крупного феодала... Т. II. С. 22—27; Кирьянов И. А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961. С. 61—70.

¹⁹ Акты хозяйствия... Т. 2. С. 165. В 1667 г. Т. Чубаров был приказником с Новое Рождествино Темниковского уезда, одной из вотчин Морозова (см.: Хозяйство крупного феодала... Т. II. С. 228, 244).

²⁰ Акты хозяйствия... Т. 2. С. 138.

²¹ РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1668 г., ед. 76, л. 3—4; там же, л. 1; ф. 159, оп. 2, ч. 1, ед. 2026, л. 3—4.

²² Там же, ф. 141, оп. 1, 1668 г., ед. 141, л. 1—2.

²³ Белокурова С. А. О Посольском приказе. М., 1904. С. 54—55.

ств, по воспоминаниям дипломата, числился среди первых.²⁴ Без сомнения, здесь сыграло свою роль образование Гросса, ибо со знатоками немецкого и латыни в Москве этого времени особых проблем не было.

Начало службы Гросса совпало с периодом расцвета русского внешнеполитического ведомства, связанного с деятельностью боярина А. Л. Ордина-Нащокина.²⁵ Не исключено, что всеильный в это время «канцлер» принимал личное участие в судьбе нового полочничего.

Должность переводчика Посольского приказа Гросс занимал около двадцати пяти лет; оклад его регулярно повышался и всего считанные годы спустя после приема на службу составлял 110 руб., уступая только «даче» признанного главы коллегии переводчиков Н. Спифария-Милеску.²⁶ Наряду с коллегами Гросс владел «оброчными рыбными ловлями» в Вологодском уезде.²⁷

Успешному продвижению по службе и известности Гросса при дворе способствовала в том числе и деятельность по «книжному строению». Существовала, правда, и еще одна сторона занятий Гросса, которую переводчик не афишировал: вместе с двумя коллегами он был подкуплен голландским резидентом в Москве И. ван-Келлером, получавшим через служащих Посольского приказа конфиденциальную дипломатическую информацию.²⁸

Выполнял Гросс и свои прямые приказные обязанности, при этом, правда, подчеркивая, что хотя и «переводит тайные... дела», но «в посланниках... и в тонцах ни в которых окрестных государствах не бывал».²⁹ Последнее обстоятельство, возможно, объяснялось опасениями за лояльность переводчика-иностранца. Московская администрация была хорошо осведомлена о существовании у Гросса богатой и влиятельной родни, близкой к венскому двору.

Судьба знатного отпрыска, пропавшего во время путешествия, очевидно, оставалась неизвестной на его родине вплоть до 1669 г. Заняв должность в Посольском приказе, Гросс получил возможность известить о себе родственникам в Империи, что, скорее всего, сделал российский посол Т. Келлерман, весной этого года отправленный с миссией в Вену и Венецию.³⁰

В ноябре из Вены с ответным письмом в Москву прибыл гонец императора Леопольда I шляхтич М. Залеский, одновременно привезший в Россию императорскую грамоту касательно Гросса, датированную 9 августа. 4 декабря Залеский вручил ее Гроссу, а последний «явил» грамоту в Посольском приказе.³¹

Из грамоты Леопольда I, адресованной царю Алексею Михайловичу, следует, что Леонтия Гросса до принятия православия звали

²⁴ Рейтенфельс Я. Свидание великому герцогу Тюрингскому Кристиану III в Москве // ЧОИИР. 1905. Кн. 3, отд. 4. С. 97—98.

²⁵ Подробнее см.: Галактишин В. П., Чистякова Е. В. А. Л. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII века. М., 1961. С. 67 и сл.; «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII веков. М., 1989. С. 139.

²⁶ РГАДА, ф. 159, оп. 2, ч. 2, сл. 4772, л. 1.

²⁷ Там же, сл. 4354, л. 1—7.

²⁸ Белов М. И. Письма Иоганна ван Келлера и собрания нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению. Л., 1964. С. 378. (Груды ЛОИИ; Вып. 7).

²⁹ РГАДА, ф. 159, оп. 1, ч. 1, сл. 2026, л. 4—5.

³⁰ Бантин-Каменицкий П. П. Обзор внешних сношений России. С. 23.

³¹ Опись архива Посольского приказа 1673 г. М., 1990. Ч. 1, С. 196.

Юрий Готфрид, а его отец был «града Регенсбурха высоких ради служеб его царскому величеству...и к его аустрийскому дому...державец...не токмо нам подданный, но и за многие его...службы zelo любим». ³² Подчеркивая невинность Гросса («и своего ради несчастья...не того града (Кокенгаузена, — А. Д.) убежати не мог»), высокий ходатай отмечает, что в сложившихся дружеских отношениях между венским и московским дворами подобная ситуация «не токмо непристойна, но и противна нашей...братской любви и ссилке, еже между собою имеем». «И мы намерены просити...чтоб тот Юрья Готфрид Гросс прежнюю свою вольность получил и в свое отечество к нам первым случаем возвратился». ³³

Как видим, в Вене не знали (или по каким-то причинам делали вид, что не знали) о том, что Гросс принял православие: последнее означало и принятие российского подданства, и в этом случае вопрос о возможности «отпуска» Гросса на родину зависел не от характера отношений между державами, но от воли царя. Крещение Гросса по православному обряду значительно затруднило и другой возможный путь возвращения — обмен военнопленными, пришедшийся на время службы Гросса у Морозова.

Условия мирного договора между Россией и Швецией, подписанного в 1661 г. в Кардисе, предусматривали полный обмен пленными, однако при уточнении текста российская сторона настояла на том, чтобы этот пункт соглашения не касался принявших в России православие. ³⁴ Назначенный в Москву шведский комиссар М. А. Эберг в 1662—1666 гг. регулярно заходил в Челобитный приказ, где спрашивался о «якох» пленных, пожелавших вернуться на родину. Большинство хотело уехать, кое-кто, успевший принять православие и жениться, даже для этого развёлся, но многие, как доносил дипломат в Стокгольм, пожелали остаться. ³⁵ В числе последних был Гросс.

Формально допрошенный в приказе, переводчик отказался покинуть Россию, несмотря на то что дома его ждали «отец и сродники» и «многие пожитки»; впрочем, Гросс воспользовался случаем и испрашил повышения денежного оклада, что и получил. ³⁶

Гримуа императора Леопольда I дала в руки московских властей формальное доказательство дворянского происхождения переводчика: в 1675 г. Леонтий Гросс был зачислен в привилегированную корпорацию российского небилитета — московский дворянский список, открывавший возможности для придворной службы. Этой чести из «иноземных выходцев» удаивались немногие. ³⁷

³² Книга перевода см. РГАДА, ф. 210, т. 18, ед. 70, л. 5—7.

³³ Там же.

³⁴ Фарстен Г. В. Сопоставление Швеции и России во второй половине XVII века (1648—1700) // ЖМНП. 1898. № 5—6. С. 85—86.

³⁵ Там же. С. 92—93.

³⁶ РГАДА, ф. 159, т. 1, ч. 1, ед. 2026, л. 9.

³⁷ Там же, ф. 138, т. 1, 1674 г., ед. 6, л. 53, 59—60. В Боярских книгах Гросс упоминается в 1675—1676 гг. (там же, ф. 210, кн. 8, л. 854; кн. 9, л. 1537). Товарищи Гросса по несчастью, «инокрещены сивские землян», служили только по исаиному, «жилецкому» списку (там же, ф. 150, т. 1, 1668 г., ед. 22, л. 55—55 об., 83—84 об., 93).

Уже во время службы Гросса в Посольском приказе был впервые в истории ведомства создан серьезный прецедент, убедивший Гросса и его коллег-переводчиков в очевидной служебной выгоде принадлежности к корпорации «дворян московских». Речь идет о карьере зачисленного в 1671 г. в штат переводчиков Посольского приказа Н. Спафария-Милеску.³⁸ Интересно, что зачисление Гросса в московский дворянский список имело место во время отсутствия Спафария в Москве (в 1675—1676 гг. он возглавил дипломатическую миссию в Китай). Одновременно с Гроссом ситуацией воспользовался и еще один претендент в «дворяне московские», старший (по возрасту) коллега Гросса переводчик С. Ливрецкий, ждавший своего часа более 15 лет.³⁹ Спафарий, надо полагать, ревниво оберегал свое первенство, и его отсутствие в Москве могло значительно облегчить дело.

Кроме естественного желания дворянина «приписаться» к тому сословию, к которому он принадлежал по рождению и воспитанию, дворянство играло существенную роль в делах приказной службы.

«Сидения» в приказах, хотя и считавшиеся «порухой» дворянской «чести»,⁴⁰ не препятствовали массовому притоку дворян на приказную службу.⁴¹ Местнические дела дьяков показывают, что в служебных конфликтах дворянское происхождение сторон было зачастую решающим аргументом.⁴² Неудивительно, что во время службы в приказе Гросс неохотно вспоминал о пребывании «в доме» боярина Морозова, фактически причислившего к слугам дворянина, пусть и находящегося в привилегированном положении по сравнению с ними.

Леонтий Гросс перестает упоминаться в приказных делах после 1693 г.,⁴³ в 1696 г. его имени нет в списке переводчиков, подавших «скаски» о своих поместьях и вотчинах.⁴⁴ Многолетняя переводческая деятельность «царского немца» заставляет усомниться в тотально-уничтожительной характеристике труда иностранцев в Посольском приказе, данной известным исследователем.⁴⁵

На склоне лет Гросс окончательно закрепляет свой род в рядах российского дворянства, подав 29 декабря 1686 г. «скаску» со своим родословием в Разрядный приказ.⁴⁶ Документ составлялся в ответ на указ царей-соправителей Иоанна и Петра Алексеевичей о пополнении Бархатной книги новыми фамилиями, в том числе «выезжих и иных честных родов, которые прежде не записаны».⁴⁷ Гросс не толь-

³⁸ Белобрица О. А. Личность и научно-просветительские труды Николая Спафария // Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978.

³⁹ Михайловский И. И. Очерк жизни и службы Николая Спафария в России. Киев, 1895. С. 5.

⁴⁰ Демидков И. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 84.

⁴¹ Боговаленский С. К. Приказные дьяки XVII века // ИЗ. 1937. Т. 1. С. 221.

⁴² См., например: Стрелова В. И. Дело дьяка Андрея Андреевича Винюса. М., 1895. С. 3.

⁴³ Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность... С. 235.

⁴⁴ Белокуров С. А. (1) Посольском приказе. С. 143.

⁴⁵ «Иностранцы... люди с ничтожным образованием без всякой подготовки» (Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. в библиографические материалы. СПб., 1903. С. 42).

⁴⁶ РГАДА. ф. 210, ов. 18, ед. 70, л. 1—3.

⁴⁷ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 2, № 1207.

ко в очередной раз излагает в «сказке» перипетии своей биографии, но также приводит сведения о древности рода Гроссов: «А герб родства моего, каков дан прапрадеду моему Георгию Гросу от Фридериха Барбароса...се есть воин в датах со обнаженным мечем. И тем гербом и прапрадед мой, и прадед, и дед, и отец мой владели, и я владею».

В отличие от российских дворян, обращавшихся для подтверждения древности рода к разрядным книгам, документам и летописям, Гросс не имел такой возможности. Поэтому незадолго до подачи «сказки» переводчик обратился с беспрецедентной просьбой «на государей имя» о выдаче ему оригинала грамоты Леопольда I Алексею Михайловичу 1668 г. — единственного подтверждения дворянского происхождения спонсателя. Указ, последовавший 20 ноября того же года, гласил: «Пожаловали...Леонтия Гросса за его службы и великое радение в переводах (разрядка моя. — А. Л.)... повелели ему по его челобитью отдать...из Посольского приказу Леопольдуса цесаря...подлинную грамоту... впредь на память ему...и детям его рода его, подписав на той подлинной грамоте, что...отдана ему...по их...указу. И дать ему ж с той грамоты перевод за двячьесо приписью. А в ... Посольском приказе перевод же с той грамоты для ведома, подписав на том переводе, что подлинная грамота отдана Леонтию Гросу, оставить за двячьесо приписью».⁴⁸

Семья Гроссов, казалось, прочно укоренилась в России. Здесь Леонтий Гросс похоронил жену,⁴⁹ сыновья были записаны уже не в приказную, а в дворянскую службу: старший, Леонтий Леонтьевич, с 1682 г. числился на низшей придворной должности стряпчего,⁵⁰ младший, Петр Леонтьевич, записан как «недоросль».⁵¹ Судьба второго неизвестна (очевидно, Петр Гросс скончался до достижения «служилого» возраста), первый же в 1699 г. получил воеводство в Белозерске,⁵² где пребывал до 1701 г., активно способствуя подготовке военных действий против шведской армии в начальный период Северной войны.⁵³

Между 1701 и 1713 гг. о круге занятий и служб Л. Л. Гросса сведений найти не удалось. Ясно, однако, что к отпращиванию прежних функций бывший воевода приступить не мог. «Именным» указом от января 1700 г. должность придворного стряпчего была упразднена: «Стряпчим...которые служили с корму...корму давать не велено, а велено им, хто похочет, ити в службу... а которые не похотят, и тем воля...схати в иные государства».⁵⁴ Указ, впервые в российской истории, открывал возможность для свободного выезда за границу на учебу. Текст его не сохранился, однако сам Петр считал указ одним из важнейших свершений своего царствования. В собственноручных

⁴⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 18, ед. 70, л. 4.

⁴⁹ Там же, ф. 159, оп. 2, ч. 2, ед. 2026, л. 7.

⁵⁰ Там же, ф. 210, кн. 7, л. 832; кн. 12, л. 601.

⁵¹ Там же, оп. 18, ед. 70, л. 3.

⁵² Там же, ф. 1107, оп. 1, ч. 2, ед. 4321.

⁵³ Там же, ед. 4444; ф. 196, оп. 3, ед. 425. В литературе указываются и другие даты воеводства Л. Л. Гросса в Белозерске: 1698—1699 гг. (Барсукин А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 34).

⁵⁴ РГАДА, ф. 248, оп. 1, ед. 29, л. 125. Другая дата (1699 г.) приведена в Журнале Петра I (см.: Журнал, или Поденник...Петру Великому с 1698 года... СПб., 1770. Т. 1, С. 7).

набросках «пунктов» для писавшейся в Кабинете истории своего правления Петр отметил: «Того же времени (около 1700 г. — Л. Л.) дал позволение ... ездить во ... саронские государства для обучения, которое прежде того было запрещено под казнью, и не точию позволял...но еще к тому их принуждал».⁵⁵

В 1713 г. Л. Л. Гросс, ссылаясь на указ 1700 г., обратился с челобитной в Сенат, «чтоб сво отослать к делам для пропитания в Казанскую губернию».⁵⁶ Соответствующее постановление последовало 20 декабря, однако доехал ли Гросс с семейством до Казани, неизвестно.

В 1714 г. в Вюртемберге появился на свет будущий известный дипломат Андрей Леонтьевич Гросс. По семейным преданиям, его отец Леонтий ранее служил в России, а до того был ротмистром австрийской армии. Не есть ли это реальный отголосок причудливой судьбы деда российского дипломата, переводчика Посольского приказа? Родство Гроссов XVII и XVIII вв. не подтверждено пока документально. Однако царский указ 1700 г. легко объясняет появление за границей бывшего стряпчего с семейством.

Возраст Л. Л. Гросса (к моменту отъезда за границу для учебы ему должно было быть не менее сорока лет) не должен смущать: среди «волонтеров» петровской эпохи он был отнюдь не самым старшим.

⁵⁵ Законодательные акты Петра I. М.: Л., 1945. Т. 1. С. 115—116.

⁵⁶ РГАДА, ф. 248, оп. 1, ед. 29, л. 125.